

Николай Чадович, Юрий Брайдер

Мёртвая вода

*Часть сборника
Телепатическое ружье (сборник)*

Николай Чадович
Мёртвая вода

«Автор»

1991

Чадович Н. Т.

Мёртвая вода / Н. Т. Чадович — «Автор», 1991

ISBN 978-5-457-10087-9

«Сначала была только боль – огромная, черная, вечная. Все его естество, казалось, целиком состояло из этой боли. Он различал десятки ее оттенков, она пульсировала в каждом нерве, в каждой клетке, она жила вместе с ним, то собираясь в один непереносимо мучительный комок, то кипятком растекаясь по всему телу. Была боль, которая будила его, вырывая из омута небытия, и была боль, которая ввергала в состояние, мало отличимое от смерти. Потом появился свет – тусклый, красный, сам по себе ничего не значащий. Время шло, свет постепенно разгорался, а боль мало-помалу стихала...»

ISBN 978-5-457-10087-9

© Чадович Н. Т., 1991

© Автор, 1991

Николай Чадович, Юрий Михайлович Брайдер

Мертвая вода

Сначала была только боль – огромная, черная, вечная. Все его естество, казалось, целиком состояло из этой боли. Он различал десятки ее оттенков, она пульсировала в каждом нерве, в каждой клетке, она жила вместе с ним, то собираясь в один непереносимо мучительный комок, то кипятком растекаясь по всему телу. Была боль, которая будила его, вырывая из омута небытия, и была боль, которая ввергала в состояние, мало отличимое от смерти. Потом появился свет – тусклый, красный, сам по себе ничего не значащий. Время шло, свет постепенно разгорался, а боль мало-помалу стихала.

Однажды он очнулся от воя – гнусного, протяжного, монотонного. Так могла выть только самая примитивная, обделенная всякими признаками души тварь, к примеру – раздавленный дождевой червь, если бы природа наделила его вдруг голосом. Звук то усиливался, то угасал, и казалось, ему не будет конца. Вой досаждал сильнее боли, гнал прочь спасительное забытие, сводил с ума. Не выдержав этой новой пытки, он закричал, вернее, попытался закричать. В заунывном глухом вое послышались истерические взвизгивания, и он понял, что воет он сам. В красном тумане над ним шевелились огромные неясные тени. Изредка он слышал голоса – гортанные, гулкие, незнакомые. Он ощущал чьи-то прикосновения. Иногда они приносили сладостное облегчение, иногда после них боль взрывалась слепительным фейерверком.

Понемногу он познавал окружающий мир и самого себя. Ему стали доступны новые чувства – голод, жажда. Он различал свежий терпкий запах трав, составлявших его жесткое ложе. Он знал уже, что прозрачный сверкающий предмет, похожий одновременно и на пламя свечи, и на осколок льда, появление которого всякий раз приносило избавление от боли, называется «шебаут», а горячее красное пятно, с удивительным постоянством возникающее в поле его зрения, имеет собственное имя – «Алхаран». Однако пустая, как треснувший кувшин, выжженная страданиями память все же подсказывала ему, что нечто подобное: круглое, горячее, но только не багрово-красное, золотисто-желтое, он уже видел где-то, и называлось оно тогда совсем по-другому – «Солнце».

Дождавшись момента, когда боль достигла вполне терпимого предела, он исполнил давно намеченный план – дотянулся до стоящего в изголовье плоского металлического сосуда и напился – первый раз без посторонней помощи.

Он лакал по-звериному, стоя на четвереньках и погрузив лицо в воду, лакал, захлебываясь и отфыркиваясь, лакал до тех пор, пока не уткнулся лбом в прохладное, до зеркального блеска отполированное медное дно, откуда на него в упор глянуло странное смуглое отражение – черный, как головешка, бугристый шар с висящими кое-где клочьями кожи, огромная дырка беззубого рта, гноящиеся щелки глаз...

Его лечили, кормили, учили говорить и двигаться. Жаркое и сухое лето сменилось ветреной и дождливой осенью. Красное светило перестало всходить над горизонтом, и один долгий период мрака отделялся от другого только краткими мутными сумерками. Его закутали в мягкие звериные шкуры, уложили на плетеную волокушку и повезли куда-то. Дорожная тряска пробудила боль, едва затянувшиеся раны открылись, мир вокруг вновь свернулся багровым удушливым коконом, в недрах которого билась, хрипела, взывала о помощи его вконец измученная брэнная душа. Тогда из багровой светлой мглы опять выплывал пронзительно-холодный волшебный камень, и костлявая лапа сразу отпускала горло, боль понемногу перетекала куда-то за пределы тела, бред сменялся сновидением.

Очнулся он от холода с ощущением бесконечной слабости и еще более бесконечной надежды. Лагерь спал. Ближайший костер выгорел, под меховой шлем успела набиться ледяная крупа. Буря, разогнавшая тучи, стихла, и воздух словно оцепенел от мороза. Черное небо светилось серебряной пылью, сверкало целыми гроздьями хрустальных подвесок, переливалось россыпями изумрудов, слепило глаза бесчисленными бриллиантами. Таких крупных и ярких звезд, такой могучей космической иллюминации ему еще никогда не приходилось видеть, однако некоторые небесные узоры смутно напоминали нечто давно знакомое.

И тут что-то случилось с его памятью – стронулись какие-то колесики, что-то лопнуло, а может, наоборот, соединилось, и он совершенно отчетливо, во всех подробностях вспомнил название этого мира: планета Химера, она же по малому штурманскому справочнику – Лейтен 7896-2.

Зиму они переждали в глубокой карстовой пещере, истинные размеры которой не позволял определить плотный сернистый пар, поднимающийся от многочисленных горячих источников.

Здесь его лечением занялась целая коллегия знахарей и чародеев, на время зимы оказавшихся, как видно, не у дел. При помощи какого-то отвратительного на вкус зелья его постоянно держали в состоянии полусна-полуяви, когда реальность нельзя отличить от видений, когда сливаются печаль и радость, свет и тьма, взлет и падение, а призраки склоняются над ложем вместе с существами из плоти и крови. Чуткие пальцы касались его век, гладили мышцы, разминали суставы. Многоголосый хор с фанатическим вдохновением шептал, бормотал, выкрикивал непонятные, но грозные и величественные заклинания, и в такт им раскачивались подвешенные на кованых цепях, витых шнурах и кожаных лентах шебауты – всех цветов и размеров, то прозрачные, как слеза, то опалесцирующие, как жемчуг. Когда таинство достигало апогея, его тело обильно кропили летучей влагой, от которой мгновенно затягивались воспаленные раны, заживали смердящие язвы, осыпалась гнойная короста.

В самом конце зимы, когда свет красного светила стал на краткий срок проникать в пещеру, он убедился, что на пальцах рук у него выросли ногти, а на голове мягкие короткие волосы. Однако и после этого он даже отдаленно не стал похож на окружавших его существ – сплошь покрытых густой рыжеватой шерстью гигантов с зелеными, светящимися в абсолютной тьме кошачьими глазами.

Он был сыном совсем другого народа и прекрасно понимал это.

Еще он понимал, что его лечат, кормят и берегут вовсе не из чувства сострадания, а из каких-то других, совершенно непонятных ему побуждений. Он не мог стать для своих спасителей ни братом, ни другом, ни даже забавной игрушкой. Для них он был врагом. Все ненавидели его и даже не пытались это скрыть.

К тому времени, когда племя хейджей вернулось в буйно цветущую саванну к своим поредевшим и одичавшим за зиму стадам, он начал уже вставать на ноги. Боль и слабость нередко возвращались, но самое страшное было позади. Он выжил, и выжил не только потому, что попал в руки необыкновенно умелых, прямо-таки волшебных целителей, но и потому, что умел бороться за свою жизнь.

У него всегда были способности к этому, а потом их развили и закрепили опытные учителя. По-видимому, умение выживать в любых условиях было непременным условием того дела, которым он занимался раньше.

Каждый день в нем по крохам оживали воспоминания о той другой, прежней жизни. Некогда расколовшаяся вдребезги мозаика памяти мало-помалу складывалась вновь. Но он все еще не знал самого главного – как и почему оказался здесь.

Научившись сносно передвигаться на самодельном костыле, он стал надолго уходить из лагеря. В первое время кто-нибудь из аборигенов обязательно увязывался следом, но

потом, когда стало ясно, что он неплохо ориентируется в саванне и способен постоять за себя при встрече с тростниковым котом или ядовитой жабой, его оставили в покое. Крупных зверей можно было не опасаться: все они – как хищники, так и травоядные – старались держаться подальше от охотничьих угодий и выпасов хейджей.

Однажды, уйдя особенно далеко, он набрел на огромную овальную воронку, уже начавшую зарастать густой травой и молодым кустарником. Озерцо воды на ее дне было охристо-красным от ржавчины. Поскольку версия об артобстреле или бомбардировке отпадала сама собой, оставалось предположить, что здесь в поверхность планеты врезалось какое-то космическое тело – крупный железный метеорит или звездолет, летевший со стороны заката под углом примерно тридцать градусов к горизонту, о чем свидетельствовали глубина и контуры воронки, а также характер выброса грунта.

Он присел и стал методично осматривать почву вокруг, пока не наткнулся на тонкий и узкий, свернутый в штопор кусок блестящего металла. Это подтверждало его предположение о происхождении воронки. Аборигены добывали золото и свинец, умели сплавлять медь с оловом, ковали серебро, использовали самородное железо, но не имели никакого представления о легированной стали. Этот кусок нержавеющей стали был гостем из другого, далекого мира. Затем его внимание привлекла вертикальная каменная глыба, одиноко торчащая на вершине пологого, наполовину срезанного взрывом холма. Такие примитивно обработанные стелы, обозначавшие границы владений давно исчезнувших племен, нередко встречались в саванне у водоемов и на водоразделах крупных рек, однако элементарная логика подсказывала, что этот камень стоит здесь совсем недавно, иначе каким образом смог бы он уцелеть при катаклизме, вывернувшем из недр планеты, как пригоршню грязи, тысячи тонн песка и суглинка.

Ощущая смутное волнение, он взобрался на холм. На поверхности плиты наспех и без особого тщания было нацарапано несколько строк:

АРТУР КВАСТ,

АСТРОЛЕТЧИК СЕРГЕЙ КОРОБКИН,

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-ИНСПЕКТОР

Он долго смотрел на эту надпись, потом, словно пробуя твердость камня, коснулся плиты куском металла, который все еще сжимал в руке, и рядом с первой строкой вывел две даты – год рождения и год смерти, вторую строку он зачеркнул как сумел.

Теперь он знал свое имя. Теперь он знал, ради чего прилетел сюда.

Минул год, куда более долгий, чем год на Земле. Трава в саванне отцвела, обильно усыпав почву семенами, потом привяла, высохла, утонула в холодной слякоти, была засыпана снегом, промерзла насквозь, в положенный срок оттаяла, напилась теплой весенней воды и вновь зазеленела на огромных пространных пространствах.

Два существа, внешне сходные издали, но весьма различные вблизи, уже много суток подряд шли по этому благоухающему океану. Впереди шагала широкоплечий, высокий даже для своего племени абориген, всем своим видом, а особенно резкими гротескными чертами лица и могучими мохнатыми ногами напоминавший Пана, древнего бога лесов и стад. Для полного сходства не хватало разве что козлиных рожек на голове да свирели в руках. На его груди посреди широко выбритого круга – знака высокого сана и почтенного возраста – покачивалась на толстой цепи пустая бронзовая оправа. Больше при нем ничего не было: ни

оружия, ни припасов. При рождении отец, следуя воле старейшин, нарек его именем Гарпаг – так на языке их народа назывался самый могучий зверь саванны, который был к тому же так хитер, что никому еще не удавалось его увидеть. Впоследствии Гарпаг оправдал свое имя, став на закате жизни бхайлавом – вождем и главным чародеем всех хейджей.

Следом шел человек, одетый в долгополый плащ из грубой домотканой шерсти. Судя по всему, совсем недавно он перенес тяжелую болезнь. Долгие переходы утомляли его, и к концу дня он еле волочил ноги. Чистая, незнакомая с бритвой кожа лица и пухлые, почти детские губы совершенно не вязались с его невозмутимым и пристальным взглядом. Через плечо он нес сумку, сплетенную из чего-то похожего на асбестовое волокно. В сумке находился небольшой, выдолбленный из особого камня сосуд с тщательно притертой пробкой.

Поход обещал быть долгим и трудным, но не менее долгими и трудными были предшествовавшие ему переговоры. На всем протяжении саванны, от приморских лесов на севере до безлюдных пустынь на юге, кипели мелкие стычки, грозившие в скором времени перерасти в большую войну. Каждое племя, каждый род ревниво следили за неприкосновенностью своих территорий, своих стад, своих рудников и водопоев. Закон гостеприимства, свято соблюдавшийся зимой, с наступлением весны терял свою силу, и любой неосмотрительный путник, заранее не заручившийся покровительством всех без исключения противоборствующих сторон, рисковал не только свободой, но и жизнью, особенно сейчас, в период высоких трав, в пору отела, когда нагтели ночные хищники и скотокрады, а хозяин подземной воды, владыка заоблачных стад и бог агонии свирепый демон Ингула требует человеческих жертвоприношений.

Они шли звериными тропами и опустевшими караванными путями сначала по влажной саванне, трава которой скрывала их обоих с головой, а потом по сухой степи, однообразие которой нарушалось лишь редкими, почти не дававшими тени колючими деревьями, – и весть об их приближении летела далеко впереди. Нередко им встречались обитатели этих мест – воинственные пастухи и охотники. Завидев путников, они сходили с тропы, оставляя на ней корзины с пищей и горшки с соком сладкой лианы. Обострившаяся за время долгой болезни интуиция подсказывала Сергею, что руководят ими при этом отнюдь не добрые чувства, а какая-то высшая необходимость, более сильная, чем ненависть, жажда мести, страх – ведь именно такую гамму эмоций испытывали по отношению к нему почти все аборигены.

До настоящей стычки дело дошло всего один раз. Они только что перешли вброд широкую, сильно обмелевшую реку, кишашую ленивой сонной рыбой, и углубились в заросли гигантских камышей, как путь им преградили два воина: судя по вооружению, болотные раджулы – пожиратели жаб и рабы своих суровых женщин. На левом предплечье каждого из них висел шестигранный кованый щит, из-за спины торчала рукоятка боевого молота, а правая рука, одетая в длинную, выше локтя перчатку из кожи питона, сжимала остро заточенную с одного конца палку. То, как они держали эти палки – осторожно, на отлете, острием вниз, – подсказывало, что это ветви змеиного дерева, чей сок, проникнув в кровь, убивает мгновенно, а попав на кожу, растягивает смертные муки на несколько часов. Перед этим ядом были бессильны любые заклинания и снадобья.

– Возвращайся к своему костру, бхайлав, – сказал один из воинов. – Мы не причиним тебе вреда. Нам нужен только голокожий.

– Он нужен и мне, – не замедляя шага, ответил Гарпаг.

– Мы много слышали о тебе, бхайлав! – крикнул раджул, пятясь. – Но против нашего оружия ты бессилён! Опомнись!

– Прочь! Для свободного хейджа разговор с вами позорен! Убирайтесь в свои берлоги! Жрите болотную нечисть! Лижите грязные пятки ваших повелительниц! Прочь с дороги! – Голос старика грохотал, как осенняя буря, а от его твердых, тяжелых шагов сотрясалась почва.

Раджулам, быстро отступавшим перед ним по узкой тропе, судя по всему, было невыносимо страшно, однако менять планы они не собирались. Одновременно вскрикнув, оба прикрыли головы щитами и занесли для удара свои страшные пики.

«Его же убьют сейчас! Почему он не защищается?» – успел подумать Сергей.

Однако старик, в пять шагов преодолев отделявшее его от воинов расстояние, поравнялся с ними и столь же уверенно двинулся дальше. На тропе остались торчать две словно окаменевшие фигуры. Осторожно минуя их, Сергей увидел, что глаза раджулов полузакрыты, лицевые мышцы расслаблены, челюсти отвисли. Они спали стоя, слегка покачиваясь, словно внезапно настигнутые сильнейшей усталостью.

Гарпаг, не оборачиваясь, удалялся и уже успел достичь поворота тропы, когда тростник за его спиной бесшумно раздвинулся, и из него выскользнул еще один воин, третий, до этого хладнокровно наблюдавший за всем происходящим из засады.

Все, что затем произошло, заняло времени не больше, чем требуется человеку на то, чтобы чихнуть. По крайней мере Сергей не успел даже испугаться, а тем более придумать что-то дельное. Какая-то другая, подспудная и темная память, изначально жившая в нем отдельно от остального сознания, швырнула его тело вперед, заставила вцепиться в рыжие лохмы на голове раджула, и когда тот, резко перегнувшись назад, оставил без прикрытия лицо, шею, грудь, безошибочно указала наиболее уязвимую точку среди этой груды каменных мышц и бычьих костей – впадину в самом низу гортани, там, где тупым углом сходятся кости ключиц...

Когда на закате дня они расположились на ночлег, Гарпаг суровым тоном спросил:

– Зачем ты напал на раджула? Разве я просил тебя о помощи?

– Ты мог и не видеть его. Разве у тебя есть глаза на затылке?

– В камышах и высоких травах нельзя полагаться только на свои глаза. Кто хочет жить, должен глядеть на себя со стороны. Глазами птиц, зверей, насекомых. А еще лучше – глазами врага. В засаде было шесть раджулов. Трое ждали нас на этой тропе, трое на соседней. Я знал об этом еще накануне.

Грубое, похожее на маску Квазимодо лицо старика ничего не выражало. Именно это лицо Сергей чаще всего видел во время своей болезни, именно этот голос громче других звучал в хоре заклинателей, именно в этих глазах он впервые натолкнулся на непроницаемую броню ненависти.

С этого самого дня в их отношениях что-то неуловимо изменилось. На отдыхе и перед сном они перебрасывались теперь парой фраз, причем Гарпаг не только отвечал, но нередко и сам задавал вопросы. В пути он стал чаще останавливаться, поджидая отставшего Сергея. Стена недоброжелательности если и не рухнула окончательно, то серьезно поддалась еще после одного случая, едва не закончившегося трагично.

Дело было на исходе дня, когда они уже начали внимательно посматривать по сторонам, подыскивая безопасное место для ночлега. Степь вокруг была ровная, как стол. Десятки троп, глубоко выбитых в почве копытами диких быков, пересекали ее во всех направлениях. Гарпаг, указав рукой на кучу росших неподалеку колючих деревьев – среди них без труда можно было оборудовать почти неприступное убежище, – повернул на боковое ответвление тропы и тут же исчез, словно покрытый плащом-невидимкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.